

ЦИКЛ «ТАЙНЫЙ ГОРОД»

ВОЙНЫ НАЧИНАЮТ НЕУДАЧНИКИ
КОМАНДОР ВОЙНЫ
АТАКА ПО ПРАВИЛАМ
ВСЕ ОТТЕНКИ ЧЕРНОГО
И В АДУ ЕСТЬ ГЕРОИ
НАЛОЖНИЦЫ НЕНАВИСТИ
КУКОЛКА ПОСЛЕДНЕЙ НАДЕЖДЫ
ТЕНЬ ИНКВИЗИТОРА
КАФЕДРА СТРАННИКОВ
ПРАВИЛА КРОВИ
КОРОЛЕВСКИЙ КРЕСТ
ЦАРЬ ГОРЫ
ДЕНЬ ДРАКОНА
ЗАПАХ СТРАХА
РЕБУС ГАЛЛА
ПАУТИНА ПРОТИВОСТОЯНИЯ
ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ
В КРУГЕ ВРЕМЕН
МИСТЕРИЯ МЕСТИ
ДИКИЕ ПЕРСЫ
ОХОТА НА ГОРНОСТАЯ
ЗЕЛЕНый ГАМБИТ
ДУРАКИ УМИРАЮТ ПЕРВЫМИ
ОХОТНИКИ НА ВАМПИРОВ
СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО
НОЧЬ СОЛНЦА
ПЕРСТЕНЬ ПАРАЦЕЛЬСА
ЖАЖДА
ИСПОЛНЯЮЩИЙ ЖЕЛАНИЯ
РОДНАЯ КРОВЬ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВО СИЛЫ
ПОЦЕЛУЙ УРОБОРОСА
НАСЛЕДИЕ ВЕЛИКАНОВ
КРАСНАЯ УГРОЗА
ПОРЧЕНАЯ КРОВЬ
САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ПРИЗ

ОФИЦИАЛЬНАЯ СТРАНИЦА «ТАЙНОГО ГОРОДА»
В ИНТЕРНЕТЕ: T-GRAD.COM

ЦИКЛ «АНКЛАВЫ»

МОСКОВСКИЙ КЛУБ
ПОВОДЫРИ НА РАСПУТЬЕ
КОСТРЫ НА АЛТАРЯХ
ПРОДАВЦЫ НЕВОЗМОЖНОГО
ХАСОУВЕРШЕНСТВО
НЕПОСТИЖИМАЯ КОНЦЕПЦИЯ

ЦИКЛ «LA MYSTIQUE DE MOSCOU»

ТАГАНСКИЙ ПЕРЕКРЕСТОК
ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ МЕХАНИКА
РУЧНОЙ ПРИВОД

ЦИКЛ «ГЕРМЕТИКОН»:

ПОСЛЕДНИЙ АДМИРАЛ ЗАГРАТЫ
КРАСНЫЕ КАМНИ БЕЛОГО
КАРДОНИЙСКАЯ РУЛЕТКА
КАРДОНИЙСКАЯ ПЕТЛЯ
СОКРОВИЩА ЧИСТОГО РАЗУМА
ПРОШЛОЕ ДОЛЖНО УМЕРЕТЬ
НЕ ВИДЯ ЗВЕЗД

✧ ВАДИМ ПАНОВ ✧

НЕ ВИДЯ ЗВЁЗД

МОСКВА • • 2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П16

Оформление серии *С. Прохоровой*

Серия основана в 2005 году

Панов, Вадим Юрьевич.

П16 Не видя звёзд / Вадим Панов. — Москва: Эксмо, 2021. — 352 с. — (Тайный Город).

ISBN 978-5-04-122231-4

Мартина — загадочная и невероятно красивая «планета миллиона озер», хранящая мрачную тайну гибели Тринадцатой Астрологической экспедиции. Именно её намерена разгадать Девятнадцатая Астрологическая экспедиция, в которой не мог не принять участия Помпилио Чезаре Фаха дер Даген Тур — знаменитый путешественник, умеющий находить выход из самых безнадёжных положений. И это умение ему крепко пригодится на Мартине — в ловушке, созданной Пустотой, и в ловушке, подстроенной новыми, очень опасными врагами. Оторванный от Герметикона, Помпилио может рассчитывать только на себя и команду «Пытливый амуш» — на людей, которых он подбирал годами и которым полностью доверяет. И на знаменитую лингвистскую дерзость, конечно, которая способна превратить поражение в блистательную победу.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-122231-4

© Панов В.Ю., 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ПРОЛОГ

*...в котором восхищение чарующей красотой
сводит с ума от ужаса*

Красота...

В душе каждого из нас прячется её эталон — особый, глубоко личный и абсолютно уникальный. Кто-то наслаждается изяществом прекрасных женщин, замечая подлинную красоту только в их совершенных формах и оставаясь равнодушным ко всему остальному; других привлекают тонкость изящного слога, завораживают полотна великих живописцев, изысканность скульптуры, гармония музыки и каменное величие архитектуры.

Мы видим красоту в разном и оцениваем на свой лад, но иногда... совсем не часто, конечно же — иногда... нам везёт натолкнуться на подлинное совершенство. На творения, чьё великолепие завораживает абсолютно. Лингийский собор Доброго Маркуса — самый большой олгеменический храм Герметикона, величие которого признают даже ненавидящие древнюю религию галаниты. Холм Девяти Героев на Верзи, который адигены¹ называют идеалом скульптурных композиций. Панорама «Последняя атака», описывающая легендарный бой, в ходе которого бамбальеро удалось отбить неистовый штурм Хозкунса и убедить Эдуарда Инезира предложить оставшимся в живых воинам почётное изгнание.

Но великолепные образцы искусства, случалось, меркли на фоне потрясающих творений самой Природы. Гран-

---

¹ Значение этого и других герметиконских терминов можно посмотреть в словаре.

диозные скалы «Три каскада» на далёкой Фраге, двойная Деригона, потрясающая немыслимой красотой, падающие реки Скрынды и... Близняшка, никогда не расстающаяся с Мартиной. Близняшка... гигантская луна, превращающая заурядную планету в невероятную. В одно из подлинных чудес Герметикона.

Потому что ни у одной из известных планет нет спутника, размеры которого сравнимы с самим обитаемым миром.

— Невероятно, — едва слышно произносит Галилей и восхищённо улыбается. — Как же ты прекрасна...

Нигде, ни в каком другом мире наступление темноты не превращается в грандиозную церемонию. Близняшка не появляется на небе — она захватывает его. Её колоссальный диск становится всё ярче и ярче, становится неспешно, но неотвратно, обретает резкость по мере того, как свету звезды приходится все жёстче драться с мраком Пустоты. И ночь на Мартине превращается в понятие отвлечённое, не имеющее никакого отношения к непроглядной тьме. Ночь на Мартине почти всегда — день.

Лунный день.

Неповторимый... невозможный нигде больше.

Близняшка так низко нависает над Мартиной, что её можно отчётливо разглядеть невооружённым взглядом. Огромные горы и глубокие кратеры, овраги, рассекающие каменистые равнины, и внезапные нагромождения скал. Можно разглядеть её безжизненность. И её тишину. Гигантский спутник кажется кошмарным отражением Мартины, мёртвым образом цветущего мира.

Близняшка восхищает и пугает.

И никто, абсолютно никто не способен сопротивляться её чарам.

— Я больше не хочу в сумасшедший дом, — шепчет сквозь сон Галилей. — Пожалуйста... не надо...

Он по-прежнему улыбается. Но из его закрытых глаз текут слёзы. Близняшка тянет, как Знак Пустоты, и противиться ей нет никакой возможности. И астролог не хо-

чет противиться, во всяком случае во сне. Он жадно рассматривает невероятную картину, наслаждаясь чудесным воспоминанием.

И дрожит от страха.

Он видит гигантский цеппель, медленно плывущий на фоне полной Близняшки, и ощущает себя стоящим на открытой палубе другого корабля, идущего параллельным курсом. Ощущает себя изумлённым, восторженным... и счастливым. Ощущает мир как жизнь, а Близняшку — только мрачным отражением, не имеющим отношения к реальности. Галилей улыбается себе тогдашнему и воет от тоски, потому что знает...

сейчас знает...

воет, потому что сейчас знает, что случилось тогда...

сейчас знает — во сне.

— Не делай этого, — шепчет астролог себе тогдашнему. — Никогда этого не делай. — И холодеет, наблюдая за тем, как идёт в астринг. — Не делай этого!

Галилей кричит, но там — во сне. Кричит себе, улыбающемуся, кричит тому восторженному дураку, который поднимается в астринг, кричит и воет... А из его закрытых глаз текут слёзы.

— Не делай этого!

Дверь в астринг закрывается.

И Галилей знает, что будет дальше.

Сейчас знает — во сне. И отчаянно кричит, заставляя себя проснуться.

А просыпаясь, помнит лишь одно — ему приснился кошмар, и оттого глаза его мокры от слёз. Помнит одно, ничего больше. Просыпаясь, он оставляет всё во сне.

Просыпаясь, Галилей переворачивается на спину, подкладывает под голову руку и смотрит в тёмный потолок. Потолок белый, но стоит глубокая ночь, и потолок тёмный. В спальне тихо, и ничто не мешает астрологу попытаться вспомнить, что же ему снилось. Он пытается, хотя знает, что ему будет страшно, но не может...

Не может уже много лет.

ГЛАВА 1

...в которой Бедокур и Мерса производят впечатление, Крачин становится преступником, Дорофеев готовится, Галилей боится, Помпилио слушает наставления, а дер Жи-Ноэль совершает прыжок на Пелеранию

— Сколько-сколько лет ты служишь? — переспросил Бедокур, добродушно разглядывая военного. Сверху вниз разглядывая, с высоты гигантского даже по меркам шифбетрибсмейстеров роста. — Сколько?

— Десять лет, — повторил военный. И нервно поёрзал, догадываясь, что одним вопросом здоровяк не ограничится.

И не ошибся.

— Десять лет... — протянул Чира, глядя на собеседника так пристально, словно каким-то образом узнал дату его рождения и теперь высчитывал ближайшее будущее с помощью всех восьмидесяти семи гороскопов, которые помнил наизусть. — И когда тебя перевели в артиллерию? Позавчера?

— С первого дня при орудиях! — военный попытался изобразить обиду, но не преуспел.

— Снаряды подносил?

— Что?!

— Просто спросил. — Чира пожал могучими плечами и приятно улыбнулся.

Оппонентом Бедокура выступал не рядовой пехотинец, а целый штаб-сержант, командир приданного испытателям

расчёта, человек, судя по нашивкам, заслуженный, авторитетный, однако как вести себя с Бедокуром, он понимал плохо, потому что, с одной стороны, перед ним возвышался пусть и здоровенный, но всё-таки механик, причём соответствующим образом одетый: штаны с накладными карманами, цепарские башмаки, майка и лёгкая летняя цапа. Но при этом не следовало забывать, что шифбтрибсмейстер — должность офицерская, рядового во главе инженерной службы цеппеля никто не поставит, то есть, несмотря на внешний вид и простоватое лицо, механик и по должности, и по званию стоял много выше штаб-сержанта. А последний, очень важный для осмысления ситуации пункт заключался в том, что второй главной обязанностью шифбтрибсмейстеров было непосредственное управление нижними чинами, собственно, поэтому при прочих равных капитаны предпочитали видеть на этой должности парней, с трудом проходящих в стандартные дверные проёмы. Чира Бедокур был именно таким, даже несколько больше, и несчастный штаб-сержант не сомневался в том, что при желании шифбтрибсмейстер «Пытливый амуша» с лёгкостью раскидает по округе и его расчёт, и приданное им в помощь отделение горных егерей.

Именно поэтому штаб-сержант заставил себя сдержать рвущиеся наружу ругательства и со всей возможной вежливостью ответить:

— Я уверен в своих словах, шиф: дистанция до цели — две с половиной лиги.

Несколько мгновений Бедокур внимательно разглядывал покрасневшего военного, по всей видимости решая, какую линию поведения выбрать, затем кивнул, мягко отодвинул штаб-сержанта от дальномера, проворчал:

— Приятно, что ты хоть в чём-то уверен. — Склонился над прибором, полностью заслонив его, поправил пару настроек, вздохнул и предложил: — Проверь.

Штаб-сержант молча посмотрел в окуляр, помолчал и тихо произнёс:

— Три.

Комментировать ответ шиф не стал, услышал вопрос Мерсы и повернулся к нему:

— Долетят? — поинтересовался алхимик, с сомнением разглядывая выставленные на направляющие ракеты.

— А куда они денутся? — удивился Бедокур. — Доле-
тят, конечно. Главное, чтобы твоя смесь взорвалась.

— Она не взрывается, а...

— Я имею в виду в полёте.

— Смесь не взрывается, — продолжил Мерса, привычный к тому, что его постоянно перебивают. — При ударе... э-э... происходит самовоспламенение...

— Главное, чтобы не в полёте, — повторил Чира.

— Главное, чтобы э-э... твои штуки вообще долетели.

— Всегда долетали.

— И ни разу... э-э... не загорелись в полёте.

— Вы, алхимики, такие зануды.

— Но...

— Короче, не взорвётся, я понял, — усмехнулся Бедокур и отвернулся.

Алхимик вздохнул и поправил очки.

Второй находящийся на позиции офицер не отличался ни ростом, ни сложением... вообще ничем не отличался и не выделялся, ну разве что носом — нос у Мерсы был большим, мясистым и полностью доминировал на тусклом, абсолютно незапоминающемся лице. Алхимик тоже предпочитал штатское — сюртук и шляпу, что особенно бесило штаб-сержанта, привыкшего к тому, что офицеры в обязательном порядке носили форму. Где погоны? Где нашивки? Где другие знаки различия? Как можно понять, кто перед тобой, если на нём сюртук или вообще цепарские шмотки? Зачем вводить людей в заблуждение?

Однако штаб-сержанту хватало ума прятать раздражение в себе и нехотя, но подчиняться странной парочке, которая должна была продемонстрировать высшим офицерам Лингийского флота новое и необыкновенно разрушительное оружие. Настолько новое и секретное, что со всех участников испытаний взяли дополнительное письменное

♦♦♦♦♦

обязательство о неразглашении. Хотя и так было понятно, что раз на полигон явился сам дар Антонио, владелец дарства Кахлес, дело действительно важное.

Но при этом оружие не произвело на штаб-сержанта особенного впечатления. Показалось странным и непонятным. И на взгляд артиллериста, несерьёзным. Ну как несерьёзным? Сами по себе уложенные на направляющие «ракеты» выглядели достойно: длинные, по четыре метра, трубы, снабжённые маленькими металлическими крыльями по бокам и на хвосте. Они, конечно, не могли соперничать с артиллерийскими снарядами, особенно большого калибра, которые прилагались к массивным орудиям — солидным и надёжным, одним своим видом внушающим уважение. Но тем не менее казались на что-то годными... Хотя... Что могут четырёхметровые трубки? Что они могут, если их испытатели вынуждены тщательно высчитывать расстояние до цели, опасаясь, что «ракета» не долетит и упадёт на землю.

Срам, короче, а не оружие.

Однако штаб-сержант благоразумно держал эти мысли при себе. И без охоты, но подчинялся странной паре, больше походящей на контрабандистов, чем на офицеров Астрологического флота. И если тихого алхимика ещё можно было с натяжкой причислить к приличным людям, то шумный, здоровенный шиф производил неизгладимое впечатление не только размерами, но и обилием всевозможных амулетов и оберегов. На широкой груди носил медальоны Доброго Маркуса, небесного покровителя Линги, и почитаемого всеми цепарями святого Хеша. С медальонами соседствовали амулеты: кривая раковина хансейских жриц Большого Фебула, усиливающая удачу обладателя на количество завитков, и редчайшая подъязыковая косточка лагорианской обезьяны Ким. А на мощных руках Бедокура позвякивали многочисленные браслеты-обереги.

— Помогают? — набравшись духу, спросил штаб-сержант, кивая на амулеты.

— Как видишь, до сих пор жив, — пожал могучими плечами Бедокур. После чего покосился на Мерсу и продолжил: — И пережил четырёх корабельных алхимиков, между прочим.

— Случайность, — отозвался тот, глядя на шиф-бетрибсмейстера хладнокровно.

— Они тоже не были уверены в своих смесях.

— Я уверен.

— Очень опасная смесь? — поинтересовался штаб-сержант.

— Цель видишь? — Бедокур кивнул на цеппель, о состоянии до которого они только что спорили.

— Вижу.

— Мы её сожжём.

— Шестью трубками? — не поверил штаб-сержант.

— Называй их ракетами, военный.

— Всего шестью?

— Больше не привезли, — притворно развёл руками Бедокур. — Придётся обойтись теми, что есть.

— Но как?

— Увидишь. И отвечая на предыдущий вопрос: да, смесь опасная, и если она тут расплескается, живым никто не уйдёт.

— Она расплескается только в том случае, если твоя ракета взорвётся на старте, — проворчал Мерса.

— Она обязательно взорвётся, — пообещал шиф. — Для того чтобы улететь.

— Ты ещё не делал ракету такого... э-э... размера.

— А ты сам сказал, что улучшил стартовую смесь. И теперь ей нет доверия.

Мерса махнул рукой, показывая, что не намерен продолжать спор.

— Всего шесть ракет? — повторил штаб-сержант. Он не был уверен, что у странных цепарей получится задуманное, но, почувствовав их уверенность, стал смотреть на ракеты другими глазами. Потому что шестью снарядами цеппель не уничтожить... ну, разве что при очень большой удаче.

— Да, шестью.

Штаб-сержант кивнул, показав, что услышал ответ, и перевёл взгляд на приговорённый к уничтожению доминатор. Старый корабль, давным-давно превращённый в мишень, и до которого, если верить дальномеру, было три полноценные лиги.

///

— Уничтожат? — не отрывая от глаз бинокль, спросил старый адмирал дер Чизипер, некогда начальник штаба Лингийского флота, дарство Кахлес, а ныне председатель Комитета по делам вооружений. В обязанности старика входила оценка перспективных образцов оружия, и потому он чаще остальных бывал на Каждальском полигоне.

— Уничтожат, — спокойно подтвердил Помпилио дер Даген Тур.

— Шестью металлическими трубками?

— Да.

Старик опустил бинокль и посмотрел на Помпилио.

— Сомнительно.

— Я тоже удивился, дядюшка. Но уже дважды видел ракеты в бою и знаю, что доминатор будет сожжён.

— Посмотрим.

— Увидишь.

Адмирал пожал плечами и перевёл взгляд на дара Антонио, тот тонко улыбнулся, но промолчал.

Наблюдать за испытаниями решили в привычно комфортной обстановке — с открытой палубы «Эрмизанской девы», флаг-яхты дара Кахлес, — на которой собралось примерно двадцать мужчин в повседневных военных мундирах, от командора и выше. Для их удобства цеппель поднялся на двести метров и развернулся так, чтобы приговорённый к уничтожению доминатор оказался в прямой видимости.

Появление на полигоне роскошной яхты — с бело-снежной «сигарой» и бордовой с золотом гондолой —

стало следствием предпринятых военной контрразведкой беспрецедентных мер секретности и безопасности: официально считалось, что дар Антонио пребывает с частным визитом в Даген Туре, а он не мог отправиться к любимому брату на крейсере. Дар действительно прибыл во владения Помпилио, пробыл в гостях полдня, после чего они собрались «на охоту» и вылетели на полигон. Примерно такие же меры конспирации были предприняты в отношении двух академиков и главы министерства промышленности. И только группа высших чинов Лингийского флота явилась в безводную Каждальскую степь открыто — на давным-давно запланированные учения, которые проходили сейчас в южной части гигантского полигона.

— Я слышал, с помощью этих ракет были уничтожены два галанитских крейсера?

— Официально те корабли не принадлежали Компании, — усмехнулся Помпилио.

— Не имеет значения.

— Согласен.

— Мы знаем, кто их послал.

— Именно!

Вражда с Компанией, старинная, уходящая корнями в далёкое прошлое, могла затихнуть, но не могла прекратиться. В своё время галаниты безжалостно вырезали все адигенские семьи на своей планете, прервав старинные династии и объявив себя «свободными от сословных предрассудков». То есть введя имущественный ценз в интересах разбогатевших простолюдинов. К новому цензу можно было относиться по-разному, спорить о преимуществах и недостатках, а вот жестокое истребление родственников адигены галанитам не забыли, забывать не собирались и потому каждое их поражение воспринимали с большим энтузиазмом.

— Галанитские крейсера были сбиты ракетами? — уточнил подошедший министр промышленности.

— Да, — подтвердил дер Даген Тур. — Один — с земли, как будет продемонстрировано сейчас, второй — с борта «Амуша».

— Ты рискнул разместить на «Амуше» столь опасное оружие?

Удивление имело под собой все основания, поскольку трепетная любовь Помпилио к своему исследовательскому рейдеру — официально самому быстрому в Герметиконе — была общеизвестна.

— В первый раз у Дорофеева не было другого выхода, кроме как разместить ракеты на корабле, — рассказал дер Даген Тур. — А во второй раз у нас уже появился достаточный опыт. К тому же у меня отличный алхимик.

— Если испытания пройдут так, как ты обещаешь, у тебя будет не только отличный, но ещё и очень богатый алхимик, — пообещал министр промышленности. — Мы не поскупимся.

— Жаль будет его потерять? — улыбнулся адмирал дер Чизипер.

— Мерса не уйдёт, — спокойно ответил Помпилио.

— Даже с такими деньгами?

— С такими деньгами тем более.

— Уверен?

— Абсолютно.

И спорить не имело смысла, поскольку Помпилио Чезаре Фаха дер Даген Тур был не просто адигеном, правителем по происхождению, но принадлежал к одной из древнейших лингийских, а значит, всего Герметикона, — династии даров Кахлес, ведущих свой род от Первых Царей. То есть разбирался в людях досконально.

Как и все Кахлесы, дер Даген Тур был абсолютно лыс и отличался заурядным сложением: чуть выше среднего роста, плотный, с короткими толстыми ногами и короткими толстыми руками, он, как и находящийся рядом брат, напоминал крестьянина, простолюдина, для смеха наряженного в офицерский мундир. Но стоило взглянуть